

№ 1 2015

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

ЧЕРНОВИКИ МИРА

Содержание

Владимир Яценко	
Копилка молний	3
Кристина Каримова	
В игре	20
Александр Тихонов	
Тестер	35
Андрей Сульдин	
Секреты деда Флегонта	48
Дмитрий Маркевич	
Циркциркцирк.....	62
Владимир Зимин	
Эфир.....	72
Ирина Лазаренко	
Смертные не оригинальны	84
Сергей Трищенко	
Нищенство — основа благополучия.....	91
Андрей Фёдоров	
Сверхновый завет.....	99
Геннадий Ядрихинский	
Письмо с Алькора.....	122
Светлана Тулина	
Колбаса.....	131

Лилия Касмасова	
Контракт	157
Маргарита Малинина	
Доктор Рылеев, или Право на смерть	174
Магеррам Зейналов	
Переезд	198
Юрий Бархатов	
Тихие игры	206
Владимир Бутрим	
Зеркало без героя	213
Ирина Станковская	
Секреты кафаев	230
Лариса Петровичева	
Черновики мира после конца света	234
Андрей Серов	
Удачный обмен	242
Елена Тополева	
Тузик	256
Михаил Казьмин	
Петрович	263
Аарон Макдауэлл	
Рейтинг	270
Алексей Верт	
Гипертоник	287
Александра Давыдова	
Путь к удовольствиям	300
Пальмира Керлис	
Фейки	310
Марина Ясинская	
Соломенный человек	316
Джон Маверик	
Разбилась душа о камни	338
Майк Гелприн	
Рыжие нашего времени	357
Алексей Провоторов	
Волк, Всадник и Цветок	378
Александра Груздева	
Послание просветленному человечеству	402

КОПИЛКА МОЛНИЙ

Дашка начала крутиться задолго до первого удара копра. Артем терпеливо придерживал одеяло, чтобы она не намотала его на себя целиком. Но вслед за сестрой завозилась Мария: приподнялась на локте, всматриваясь в стрелки механического будильника, перед которым маячил крохотный огонек масляной лампы.

— Ой, мамочки! — сказала она. — Мы же едва не проспали!

Артем знал, что с сестрами не поспоришь, но прикинулся неподъемным: вдруг они затеют утреннюю пробежку по лестницам, и тогда можно будет еще немного подремать.

— Артик, вставай! — закричала Дашка, прыгая на пружинном матрасе. — Нас ждут приятные дела.

— Я — первая, — засуетилась Мария.

Она, как была в ночнушке, так и побежала в туалет, пописывая от соприкосновения босых ног с выстуженным за ночь полом.

— Хоть тапочки надень! — не удержался Артем, раскачиваясь вместе с Дашкой на кровати.

Его тут же ударили подушкой:

— А ты не подсматривай!

Поняв, что отлежаться не получится, Артем, кутаясь в одеяле, сел и принялся шарить ногами под кроватью, пытаясь отыскать тапочки. Задержав дыхание, тихонько выдохнул,

присматриваясь к облачку пара, в котором сверкали искорки снежинок. «Мороз в спальне! — с отчаянием подумал он. — Неудивительно: жилая башня заряжалась еще весной, а сейчас уже поздняя осень. Все ждут молнию в дежурку. Но у неба свой план энергоснабжения. Отопление кварт этим планом не предусмотрено...»

Заметив его нерешительность, Дашка с восторгом закричала:

— Неженка!

В стену застучали соседи.

— Неженки! Неженки! Вот! — еще громче крикнула Дашка, соскочила с кровати и прошлась танцем по комнате.

Дистрофичный огонек масляной лампы задрожал под напором воздуха и ее оптимизма.

С сестрами жилось весело, а спалось тепло. Мужчины Артему завидовали, справедливо полагая его счастье незаслуженным. А сам он, привыкший к неспешным размышлениям и уютным мечтам, тяготился их завистью. Артем чувствовал себя спокойней, когда на него не обращали внимания или вообще забывали о нем. Сестры были из «другого теста»: едва выйдя из-под опеки семьи, они назвались артистками и организовали на верхнем этаже театр, где в дневное время развлекали кукольными представлениями малышня, а вечером играли спектакли для взрослых. Хуторские с удовольствием ходили на их выступления, поэтому в квартире сестер пахло не только свежей рыбой: на кухне царили ароматы чеснока, зелени и перца — приметы роскоши в обедневшем мире. Артем часто помогал девушкам в подготовке реквизита и декораций, да и своей работы у него хватало, так что в иждивенцах не значился. Только поэтому он решился на недовольный тон:

— Соседей будить обязательно?

Как назло, копер ударил именно в этот момент. Противная дрожь стекол на мгновение опередила треск льда. Разочарованные крики с улицы подсказали, что одним ударом не обойдется.

— Это я бужу соседей? — скорчив невинную рожицу, спросила Дашка.

Акцентированное «я» делало вопрос издевательским, и Артем не нашелся что ответить. На помощь пришла Мария, все еще босая, но уже умытая и причесанная:

— Ты разбудила не соседей, а рыбаков, — с улыбкой заявила она. — А уж они...

Копер снова ударил. На этот раз удачней: стекла не вздрогнули, а треск льда прозвучал глуше, что означало полынью, а не кратер.

— Через десять минут начнут, — сказала Дашка, — нужно поторапливаться.

Артем и сам это понимал. Изголодавшаяся по воздуху рыба поперет к полынье, где ее поджидают рыбаки. Мелочь не тронут, а крупняк насадят на гарпун и тут же передадут обвальщикам. Бригада Михалыча — лучшая: разделка туши происходит в минуту. Если опоздать, дневное представление получится как обычно, и малышня, избалованная сюрпризами, останется недовольной.

Прыгая на одной ноге, натягивая непослушный валенок на другую, он выскочил на лестничную площадку, но шаги девушек уже затихали внизу. Они опять его обошли. «Ты слишком много думаешь, — припомнил Артем нарекания брата. — Попробуй хоть на минуту не грузить извилины мыслями».

— Как это «не грузить»? — сердито сказал Артем вслух. — Мне проще голову разбить, чем не думать...

* * *

Устроились на балконе третьего этажа. После заиндеветшей квартиры открытый воздух казался теплым. Пасмурное утро и жиденький снежок не мешали наблюдать за деловой суматохой. Высота была идеальной: достаточный обзор, чтобы разглядеть нужную рыбу, и недалеко бежать, чтоб придержать обвальщиков.

Пока рыбаки меняли копер на гарпун, в нечаянной тишине слышались стоны натянутых между башнями тросов. Они казались нарядными из-за голубого инея. Покрикивали чайки, без опаски разгуливающие под ногами у людей. Артем мог поклясться, что слышит позвякивание кусочков льда в бородах рыбаков. Издалека неслись частые раскаты грома...

К его большому сожалению, волшебная симфония длилась недолго — обвальщики подступили с топорами к полынье и принялись ее выравнивать. Вот-вот должна была показаться рыба.

— Полундра! — выпустив из глотки облако плотного пара, привычно крикнул Михалыч. — Вира помалу!

Обвальщики неохотно разошлись, а рыбаки приложились к вороту. Гарпун, царапая лед, пополз к полынье, на мгновение скрылся в провале и тут же поднялся, недобро раскачиваясь заточенным наконечником над водой.

— Хорош! — дал команду бригадир, и рыбаки заклинили ворот.

Михалыч багром остановил маятник гарпуна и вместе со всеми уставился в темную воду. Пилот обеими руками держался за клин и не спускал глаз с бригадира. Обвальщики негромко переговаривались в сторонке.

Артем скорее почувствовал, чем увидел, как напряглись люди. Бригадир поднял руку. Пилот не изменил своего положения... его реакция как всегда впечатляла: казалось, гарпун упал вместе с рукой Михалыча. Рыбаки восторженно закричали. Кто-то бросился к вороту, но большая часть осталась у проруби с баграми на изготовку.

Деловито подтянулись обвальщики. Трое держали длинную заточенную шпильку, которой с разгону протыкали рыбину под жабрами насквозь. После этого добыча не могла уйти, даже если соскочит с гарпуна. Другая группа собралась с противоположной стороны полыньи: эти подхватят острый конец и вытянут его так, чтобы рыба оказалась на середине шпильки. Тогда-то бригада и приложит все силы, чтобы вытащить улов.

Но едва надо льдом показался плавник, Артем разочарованно вздохнул. Девушки, правильно истолковав перемену его настроения, отошли от перил. Это была не та рыба.

— Не все ли равно? — поинтересовалась Мария. — По размерам эти животные одинаковые...

Артем удивился: накануне вечером он потратил больше часа, зачитывая сестрам избранные страницы по воздухоплаванию.

— Потому что газы в плавательных пузырях разных рыб отличаются, — блеснула знаниями Дашка. — Нам нужны такие, в которых больше азота.

Она уже раскладывала на подоконнике прихваченную из квартиры снедь: термос с горячей ухой, кусочки жареного краба, пропаренная морская капуста...

«Когда это она успела? — поразился Артем. — Выходит, давно на ногах? И крутилась под одеялом не спросонку, а чтобы согреться после кухни? Или наготовила с вечера, а утром только разогрела... все равно стыдно».

— Ах да! — вспомнила Мария, хлопая себя по лбу: — Азот легче и безопаснее. И если мы хотим показать фокус с летающим пузырем...

— ...то до следующей рыбы нам нужно успеть перекусить, — весело продолжила Дашка, подхватывая с полотенца черную икру, завернутую в лист сушеной порфиры.

Артем без воодушевления жевал миёк и чувствовал угрызения совести. Он представил, как Дашка, крадучись, выползала утром из-под одеяла, чтобы не разбудить ни его, ни сестру, как она готовила завтрак... наверняка на углях, ведь шахта еле теплая!

«Остывание шахты сильно сказалось на рационе, — подумал Артем. — Еще бы: от теплицы избавились в первую очередь. А ведь совсем недавно на столе можно было увидеть и помидорчик, и редиску с огурцом». Сегодня община жила только морепродуктами: жиры, белки, углеводы и витамины — все доставалось из бездонных подледных кладовых. На всех хватало, никто не жаловался, но соли и рыбьего жира

сдавали землякам больше прежнего. В основном в обмен на зелень, специи и дрова. В первые месяцы после зарядки раскаленная шахта давала достаточно тепла, чтобы всего наготовить впрок. Но ни соль, ни жир, к сожалению, дров не заменят...

Очнулся от удара локтем:

— Просыпайся, рыбу поднимают,— сказала Дашка и кивнула за перила.

Артем с удивлением обнаружил, что, пока он размышлял, сестры успели свернуть импровизированный столик, а из проруби показалась голова карпа.

— Наша рыба, девочки! — кивнул Артем. — Бежим...

Поздно! Он только вышел с балкона в пустую комнату, а они уже пронеслись коридором и стучали каблуками по лестнице. «В следующий раз побегу первым,— решил Артем.— И „наша рыба“ крикну в дверях квартиры».

За балконной дверью первого этажа его поджидал пандус из льда, густо усыпанный рубленой рыбной костью. Сестры уже договаривались с обвальщиками. Те, повернув головы к выскочившему на улицу Артему, дружно заулыбались. Их зубоскальство никогда не казалось злым, но всегда чуточку обидным. Так улыбаются встречая юродивого: доброжелательно и отстраненно. Артем вспомнил свой позорный полет с ворота, когда замешкался, пропустил команду бригадира «брысь!» и не успел со всеми отпустить перекладину. Тяжеленный копер крутанул ворот, а вместе с ним и Артема, который улетел на добрый десяток метров. Повезло, что разминулуся с копром. Повезло, что тот не пробил полынью...

«Повезло, что дурак,— подумал он.— Нам по жизни везет».

После этого случая Артема навсегда отлучили от рыбалки. Но он не спорил, работы в башне хватало: носить с улицы в котельную ящики со льдом, а оттуда на верхние этажи ведра с водой, чистить от льда мусоропровод и канализацию... А когда открылось его бесстрашие перед высотой — с удовольствием сбивал наледи, которыми быстро обрастали окна жилых

кварт. Звали много и часто, на помощь сестрам не всегда хватало времени и сил. Но Артем старался, как мог, успевая везде и повсюду. Даже на чтение выкраивал время, приспособливая древние тексты для постановок Даши и Маши.

«Жаль, что библиотеку свернули,— Артем даже поморщился.— Разве можно так хранить книги? Россыпью и внавал... попробуй отыщи нужную. Неудивительно, что я — последний из могикан — других читателей давно не видел».

А вот на спектакли народ ломился. Артем помог сестрам снести перегородки, оставив только несущие стены. Но даже в таком состоянии не все желающие могли попасть на представление. А когда приезжали земляки, наступал полный караул: сестры обменивались радостными взглядами, восторженно шептались: «Аншлаг!» — и выступали с таким исступлением, что даже Артем забывал обо всем на свете, поддавшись магии их лицедейства.

— Опять спишь! — хлопнула его по носу Мария.

— Глянь, подходит? — строго поинтересовалась Дашка.

Плавательный пузырь не уступал размерами туловищу взрослого человека. Артем кивнул:

— Отлично! Почистим, высушим... подходит! Понесем или поднимем на веревке?

Сестры не трудились отвечать: взбежали по пандусу и скрылись за дверью, унося пузырь с собой. Кто-то из обвальщиков рассмеялся, разглядев растерянное лицо Артема.

Но тут бросили гарпун. И всем стало не до него.

Хрустя валенками на крошке из костей, Артем доковылял до двери. Прошел «гостиной» и вышел к лестнице. Зачем-то пошел не налево, вверх, а направо, где пятью ступеньками ниже замер лед.

Артем представил, сколько этажей башни осталось там, во мраке ледового плена, и поежился. Впрочем, трех десятков этажей, которые им благосклонно оставил океан, пока хватало. Сверху донесся радостный визг сестер.

«Опять кого-то едва не сшибли,— подумал Артем,— хороший повод для веселья».

Он приступил к подъему, как к восхождению на торос: плавно и не спеша, привычно отгораживаясь от нудной дороги размышлениями и мечтами. Приложил ладонь к шахте лифта. «Еле теплая. Сразу после зарядки ладонь не удержишь, а сейчас едва хватает, чтобы растопить лед. Генератор уже месяц не крутится. Не парим соль, не варим кожи... В былые времена рыбаки электричества на ночную охоту не жалели. Освещали лунку прожекторами и били рыбу, пока общинники нижних этажей не начинали под утро ругаться. Томили на пару печень, и рыбий жир вместе с морожеными филейными нарезками возили санями на землю чуть ли не каждый день. Меняли на грибную муку, сало, мех... все забываю спросить, зачем нам мех, если у нас вдоволь шкур? Тюлени, моржи... Почему к нам не едут торговать?»

Услышав, что кто-то спускается, Артем прижался к стене, делая вид, что пропускает человека, но на самом деле просто воспользовался поводом постоять и отдышаться.

Человек, будто разгадав его тайну, замедлил шаги. Почти остановился.

Артем поднял глаза: отец.

«Надо же!» — расстроился Артем. Его не радовали встречи с семьей. В глазах родни чересчур легко читался приговор.

«Папа стесняется меня. Стесняется моей непригодности. Пословицу „в семье не без урода“ всегда относил на мой счет. Сумею ли когда-нибудь объяснить ему, что просто иду своей дорогой? Ведь община меня не из жалости кормит — за работу. Так какого черта? Я не пошел по его стопам и не стал стрелком, не сделал карьеру рыбака, электрика или врача. Но ведь у меня еще есть время. Разве молодость не для того, чтобы искать свое место и призвание? Я хочу найти такую работу, которую лучше меня никто не сделает. Работу, которая ждет только меня. Может, попробовать объяснить ему сейчас? Да! Именно сейчас я все ему объясню!»

Отец кивнул и прошел мимо.

— Папа?

— Да, сынок,— с готовностью отозвался отец, останавливаясь.

— В книгах написано, что разряды молний длятся короткие мгновения, а на самом деле бьют десятки секунд. Ты не знаешь, почему так?

Отец сник, покачал головой и, не ответив, продолжил движение вниз.

«Что за дурацкий вопрос? — удивился Артем.— Я же собирался сказать про другое. Почему я вообще вспомнил о молниях?»

Он еще несколько минут прислушивался к затихающим внизу шагам.

«Теперь постарается быстрее забыть о нашей встрече,— горько подумал Артем.— Его можно понять. Трудно гордиться непутевым сыном-неудачником». Он остро пожалел, что так быстро закончилось детство. В родительской квартире прошли лучшие годы. Мама всегда поддерживала его увлечение чтением. Брат, пока не женился на землячке и не уехал со льда, заступался, когда местные хулиганы выбирали Артема для насмешек и недобрых шуток. Артем очень скучал по брату. Тоска по нему и маминой заботе заметно отравляла жизнь.

— Опять отстаешь! — чуть ли не хором закричали сестры, когда он выбрался на самый верх.— А мы с твоим папой чуть не столкнулись. Смешно, правда?

— Смешно,— давя комок в горле, прошептал Артем.— Хорошо, что «чуть». Если бы и вправду столкнулись, я бы, наверное, умер со смеху...

* * *

— Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь,— с вдохновением пела Машка.— А как приятно тучке по небу лететь...

В таких ситуациях Артем забывал о своих страхах и опасениях. Он не боялся опоздать — его «тучка» взлетит вовремя. По сценарию, сразу после финала над ширмой поднималась «тучка» — выкрашенный чернилами осьминога плавательный пузырь с подогретым воздухом внутри. Высокая температура поддерживалась привязанной к пузырю свечой, а ширмой работала центральная декорация: зеленый холм и темно-коричневое дерево, в дупле которого трудолюбивые пчелы хранили мед.

Над кроной дерева следовало подняться тучке: секунда в секунду! Ни раньше ни позже... Артем, дожидаясь команды, удерживал пузырь за поддон свечи.

— А кто из вас видел тучку над деревом, ребята? — спросила Дашка.

Артем разжал пальцы. Недовольный гул ребятни, которая никогда в жизни не видела дерева, служил ему условным сигналом. Пузырь со свечой несколько секунд висел, будто раздумывая, потом неохотно поднялся к потолку, стукнулся об него и поплыл, увлекаемый сквозняком.

От визга и криков малышни заложило в ушах. За ширму заглянула Машка. Глаза у нее сияли.

— Быстро! — Она протянула руку и требовательно пошевелила пальчиками. — Быстро, пока они не выдохлись.

Артем вышел из-за «холма» и неловко поклонился. Шум в зале усилился, хотя всего минуту назад Артем готов был спорить, что такое невозможно.

Он хотел еще раз поклониться, но замер: у задних дверей маячили двое бородачей. Он узнал отца и бригадира.

«А этим что нужно?» — удивился Артем и вдруг заметил, что старшие смотрят не на него, а на плывущий под потолком выкрашенный пузырь с желтым огоньком пламени под брюхом.

— Кланяйся! — толкнула его в бок Дашка и заканючила: — Ну еще одну минутку, Артик! Ну, пожалуйста!

В ее голосе было столько мольбы, что он тут же забыл о неожиданных посетителях и низко поклонился.

* * *

— Если в ближайшую неделю молния не зарядит дежурку, нам придется отапливать квартиры жиром,— сказал Михалыч.

— Если молния не зарядит, я объявлю эвакуацию,— хмуро ответил староста Тюхтий, шаркая носками из тюленьей кожи из угла в угол.— Нам придется перебраться на материк и проситься к землякам на постой. Конец нашим знаниям, умениям, обычаям...

Артем обратил внимание, что сидящие на стульях отец и бригадир принялись в смущении мять шапки. Эвакуацию еще ни разу не объявляли, но ужасом двадцатикилометрового перехода по льду пугали не только маленьких детей. Взрослые исхода боялись куда больше.

— Забудем грамоту. Нам будет не до книг. Мы растворимся в дикости степных племен. А ведь у нас есть свой театр! Какая еще община может похвастаться театром? — Старик всплеснул руками и горестно покачал головой.

Отец негромко кашлянул.

— Мы как раз сверху,— сказал он.— Из театра. Мой сын придумал фокус с летающим пузырем.

Тюхтий тяжело посмотрел на него и с усмешкой спросил:

— Изготовлению нового арбалета ты предпочитаешь детские утренники?

Отец сжал губы, но глаз не опустил:

— Расчетная высота подъема пять сотен метров. Может не хватить. Электричество с каждым годом уходит все выше. Я ищу новые способы.

— Да,— Тюхтий перестал улыбаться.— Уходит выше. Для нас — бедствие, но для мира — возвращение природы в привычные рамки. Так что дни Хутора по-любому сочтены. Но в наших силах сделать этот счет длиннее.

— Поэтому мы и решили со Стрелком поднять манок выше,— напомнил о себе Михалыч.— Пузыри Артема могут взлететь очень высоко.

— «Очень высоко» — это сколько?

— Километр.

Тюхтий насупился:

— Вы отыскиали наилучшее время для шуток, молодые люди. У меня две беременные на сносях и десяток младенцев. Отключены котел, генератор, прачечная и кухня. Со дня на день замерзнет канализация, а водопровод уже месяц как осушили, чтобы не расперло трубы. Может, все-таки поговорим о деле?

Отец кивнул в сторону Артема и сказал:

— Мы хотим попробовать привязать манок с лентой из фольги не к стреле, а к горячему пузырю. Если он и вправду поднимется выше, то туча разрядится и разогреет металл дежурки. Тогда мы сможем перебраться в теплые кварталы, а эту башню переведем в дежурный режим...

— Ты мне еще расскажи, как главную шину нанизывать на позвонки косатки,— ворчливо заметил староста,— я после зарядки молниевод восстанавливал, когда ты у мамки еще только сиську искал, щенок...

И вдруг он повернулся к Артему:

— Я видел твои игрушки на представлениях, мальчик, но мне и в голову не приходило попытаться найти им практическое применение. Ты полагаешь, что теплым воздухом сможешь поднять манок с лентой?

— Нет,— с сожалением сказал Артем.— Теплым воздухом мы вряд ли что-то поднимем...

Тюхтий развел руками и, вопросительно подняв седые брови, посмотрел на отца. Папа возмутился:

— Почему сразу «нет»?! Если один пузырь поднимает свечку, то сто пузырей...

— Не поднимут ничего,— пожал плечами Артем.— Пока я нагрею сотый пузырь, в первом выгорит свеча и воздух остынет.

Отец вскочил:

— Ты же сказал, что можно! Именно пузырями!

Артем тоже поднялся. «Я говорил, что можно,— подумал он.— Но не говорил, что теплым воздухом. Обвязка пузырей

тоже имеет вес. Нам никогда не прогреть связку так, чтобы ее общая подъемная сила превысила вес такелажа. А ведь кроме мороза наверху еще и ветер. Там не отсидишься за ширмой, прогревая пузырь...»

Не дождавшись ответа, отец, негодуя, взмахнул рукой, круто развернулся и пошел к выходу. Бригадир встал со стула.

— А вы, собственно, куда, молодые люди? — негромко спросил староста. — Совещание не закончено. И разрешения уходить я не давал.

Артему стало не по себе. Судя по всему, он крепко подвел отца. Мнение о сыне-неудачнике получило новое скандальное подтверждение.

И вдруг он обнаружил, что Тюхтий подошел вплотную и смотрит прямо в глаза. Казалось, он разглядывает, что делается у Артема в голове. «Он просто уставился мне в переносицу, — успокаивал себя Артем. — Но из-за близкого расстояния возникает эффект проницательного взора...»

— Что же там у тебя происходит? — задумчиво проговорил старец. — Искра есть, но бьет куда попало... Свидетели утверждают, мальчик, что ты обещал поднять манок с помощью плавательных пузырей. Люди лгут или тебя неправильно поняли?

— Можно! — с вызовом заявил Артем. — Но не теплым воздухом, а ветром.

— Ветром?

— Оболочку плавательных пузырей нужно приклеить к ребрам рыбы и растянуть в крыло. Десять таких крыльев, расположенных этажеркой, позволят поднять манок вместе с лентой на любую высоту. Главная сложность не в изготовлении, а в запуске. Нужно поймать ветер, поднять первое крыло, а потом подзапускать по лееру новые крылья...

— Клей будешь варить из костей и чешуи? — спросил Михалыч.

— Нет, из того же плавательного пузыря. Только белуги. Он крепче, — ответил Артем. — И не варить, а выдерживать в слабом растворе соли...